

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)

Изучение динамики социальной структуры ранневизантийского общества IV—VI вв., эволюции классов, социальных сословий и групп проливает свет на характер всего ранневизантийского общества¹. Вопросы социальной структуры являются одними из наиболее актуальных и остродискуссионных в советской и мировой византинистике². От понимания того, к какой эпохе, к какому обществу могут и должны быть отнесены первые три столетия византийской истории, зависит многое в оценке и интерпретации особенностей ее дальнейшего развития. Эти проблемы обретают все большее значение в свете углубляющихся типологических исследований. До Великой Отечественной войны в советской историографии существовала более или менее единая точка зрения на ранневизантийскую эпоху как на эпоху еще античную. Кризис VII в. рассматривался как переход от Византии античной к феодальной, а ранняя Византия — как застойное рабовладельческое общество. Идея имобильности социальной структуры ранней Византии возникла не на пустом месте. Ее рождение связано с тем фактом, что многие социальные процессы протекали в ранней Византии медленно, что и позволило, например, М. В. Левченко характеризовать ранневизантийское общество как застойное рабовладельческое³.

¹ См.: *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft: Struktur—Gegensätze—Spannungen. München, 1977; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980.

² См.: *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии: Постановка проблемы // *ВО.* 1971, 1978; *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии // *ВВ.* 1974. Т. 36. С. 3—30; *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа: Типологические наблюдения // *ВО.* 1977. С. 3—65; *Она же.* Проблемы типологии феодализма в Византии // *Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования.* М., 1975; *Она же.* Новейшие исследования советских византинистов // *ВВ.* 1978. Т. 39. С. 3—16; *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества.* Л., 1980. Вып. 3. С. 3—21; *Курбатов Г. Л., Лебедева Е. Е.* Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984; *Они же.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // *Город и государство в древних обществах.* Л., 1982. С. 56—76; *Они же.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // *Становление и развитие раннеклассовых обществ.* Л., 1986. С. 100—196; *Литаврин Г. Г.* Восточноримская империя в V—VI вв. // *Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв.* М., 1985. С. 8—83; *Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. bis 10. Jh. // *Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung.* В., 1983. S. 77—84.

³ *Левченко М. В.* История Византии. М.; Л., 1940; *Она же.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. // *ВС.* М.; Л., 1945. С. 12—95.

Дискуссии 50-х годов о кризисе и гибели античного мира и изучение проблемы генезиса феодализма привели к усложнению представлений об этом периоде и разнообразию точек зрения на него в советской историографии⁴. Ряд исследователей стали связывать конец античной Византии с кризисом III в. и соответственно Византию IV—VI вв. оценивать как феодализирующееся общество и государство. Подобная точка зрения распространена и среди части исследователей истории Ближнего Востока⁵. Соответственно на первый план выдвинулись вопросы генезиса феодализма, зарождения элементов феодальных отношений в Византии, проблемы не только рабства и его роли в ее хозяйственно-общественной жизни, но и своеобразия и эволюции ранневизантийского колоната, возможностей его трансформации в феодальные формы зависимости, а также эволюции и феодализации господствующего класса⁶. Проблема эволюции социальной структуры ранневизантийского общества в этих условиях приобретает особенно большое значение.

Позднеантичное общество, как правило, долгое время больше изучалось медиевистами, чем антиковедом; оно исследовалось с точки зрения скорее выявления черт его феодализации, чем разложения старых античных форм и отношений⁷. Если черты феодализации не всегда могут быть сразу четко выделены, то античные формы и отношения просматриваются значительно более отчетливо. Часто именно степень отмирания старого является значимым показателем эволюции ранневизантийского общества, в том числе и его социальной структуры.

По-прежнему продолжает оставаться достаточно широким хронологический диапазон характеристики ранневизантийского общества. Некоторые современные исследователи выносят за рамки VII в. процесс активного изживания остатков позднеантичных отношений и структур. Таким

На смену старым выводам о застойности, иммобильности ранневизантийского общества пришли новые представления. См.: *Charanis P. On the Social Structure of the Later Roman Empire // Byz. 1944/1945. Bd. XVII. P. 39; Ceran W. Stagnation or Fluctuation in Early Byzantine Society // BS. 1970. Vol. 31. P. 192—203; Hopkins K. M. Elite mobility in the Roman Empire // PP. 1965. Vol. 32. P. 12—26.* Исследования последних десятилетий более отчетливо показали определенные сдвиги в развитии экономики, социально-экономических отношений в ранневизантийский период, что отчасти суммировано в монографии: *Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971; см. также: Patlagean E. Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4—9 siècles. P., 1977.* Большую роль в оценке значения VII в. во внутреннем социальном развитии Византии сыграли коллективные исследования ученых ГДР: *Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978. S. 3—29; Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. B., 1983.*

⁴ См.: *Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.* Существенным вкладом в разработку проблем позднеантичной стадии, кризиса и падения античного общества явилась проведенная на страницах ВДИ в первой половине 50-х годов дискуссия. Итоги и библиографию см.: *Проблемы падения рабовладельческого строя: (К итогам дискуссии) // ВДИ. 1956. № 1.* Дискуссии по этому вопросу продолжаются и поныне. См.: *From Late Antiquity to Early Byzantium. Pr., 1985.*

⁵ *Лапшов Б. А., Халевицкий И. В. Становление раннего ислама // ВИ. 1983. № 1.*

⁶ О глубине разногласий по этим вопросам см.: *Сюзюмов М. Я. Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VII вв. Л., 1976 // ВВ. 1978. Т. 39. С. 226—227; Лутаврин Г. Г. Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VII вв. Л., 1976 // ВВ. 1978. Т. 39. С. 227—228; Weiss G. Antike und Byzanz: Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // Historische Zeitschrift. 1977. Bd. 224; Köpstein H. Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. zum 8. Jahrhundert // Etnographisch-archäologische Zeitschrift. 1979. 20. Jhg. S. 509—519; Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 12—32; Она же. Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986.*

⁷ *Korsunski A. R. Zur Entstehung von Elementen feudalen Beziehungen im Weströmischem Reich // Klio. 1978. Bd. 60, H. 2. S. 247—258.*

образом, становится важным и хронологическое уточнение этапов этого процесса.

До сих пор преимущественное внимание в нашей историографии, что, безусловно, справедливо, уделялось выяснению роли рабства, колоната, эволюции крупного землевладения. Значительно хуже изучалась социальная эволюция господствующего класса. В результате исследований последних десятилетий ранневизантийское общество перестало рассматриваться как иммобильное, неразвивающееся. Наоборот, в последние годы специалисты все более склонны подчеркивать повышенную социальную мобильность, нередко теперь преувеличивая значение и размах этих процессов.

Спор о ранней Византии IV—VI вв. как о безусловно феодальном обществе в свете новых данных, по-видимому, становится все более беспредметным. Как теперь доказано, ранневизантийский колонат никак не трансформировался в формы феодальной зависимости. То, что в ранней Византии рабство не было широко распространено, также не дает особых оснований рассматривать это обстоятельство как возникновение предпосылок к феодализации уже в III в. Даже если связывать проблему рабства с городом и отчасти с крупным землевладением, то граница возникновения феодального общества также отодвигается к VII в. — времени массового упадка городов и крупного землевладения.

Современные исследователи не рассматривают эпоху IV—VI вв. лишь как время только упадка и разложения. Картина развития общества представляется несколько более сложной. Даже в острее переживавшей кризис античного общества западной половине Римской империи обнаруживаются черты определенного «позднеантичного» подъема, связанного с переходом к колонату, оживлением городской жизни и торговли⁸. Тем более это относится к ранней Византии. Есть все основания говорить об определенной цикличности, о стадиях позднеантичного развития, а следовательно, о достаточно сложной и противоречивой эволюции различных социальных сословий и групп.

Если обратиться к вопросу об источниках для изучения эволюции социальной структуры ранневизантийского общества, то ряд исследователей⁹ считают, что данные законодательства IV—V вв. детально изучены и дальнейшая работа над ними может мало что дать для решения этой проблемы. Работы В. Шуберта и Д. Айбах опровергли подобное мнение. Одна из характерных тенденций современной историографии состоит в том, чтобы более пристально оценить законодательный материал с учетом внутренних закономерностей развития социальных сословий и групп, эволюцию их интересов, влияния этих интересов на законодательную деятельность. Именно потому, что в своих работах В. Шуберт и Д. Айбах¹⁰ выразили эту тенденцию, они и смогли внести заметные коррективы в сложившиеся представления об этапах развития колоната и темпах упадка сословия куриалов.

⁸ Кузицын В. П. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества // ВДИ. 1974. № 3; *Он же*. Некоторые проблемы древней истории в свете ленинских идей: (к 110-летию со дня рождения) // ВДИ. 1980. № 1.

⁹ См., например: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 227.

¹⁰ Schubert W. Die rechtliche Sonderstellung der Dekurionen (Kurialen) in der Kaisergesetzgebung des 4.—6. Jahrhunderts // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Weimar, 1969. Bd. 86. S. 287—333; Eibach D. Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977.

Новые возможности изучения динамики социальной структуры ранне-византийского общества раскрыла и обозначила монография по социальным отношениям V в. Т. Грегори¹¹. Рассмотренный им законодательный материал, касающийся участия народных масс, плебса в религиозной борьбе, достаточно отчетливо показывает, с одной стороны, определенные этапы роста общественной активности плебейского населения, роль и значимость его борьбы за собственные интересы, а с другой — степень признания политических прав массы населения в двух аспектах: живой реалии времени и традиции. Законодательный материал, проанализированный Т. Грегори под углом зрения характеристики развития социальных отношений, дает возможность более отчетливо выявить некоторые принципиальные установки социальной политики государства в отношении плебейского населения империи, без учета которых, как убедительно показывает исследователь, вряд ли может быть восстановлена действительная картина эволюции сословий ранней Византии, содержания и темпов этого процесса для каждого из них. Труд Т. Грегори — один из примеров тех возможностей, которые еще дает изучение законодательства для уяснения процессов эволюции социальной структуры общества ранней Византии. Все вышесказанное свидетельствует, что правы те исследователи, которые подчеркивают сохраняющуюся фундаментальную значимость исследования данных законодательства.

Мы разделяем мнение Ф. Тиннефельда, что исторические сочинения, хроники, жития, археологические памятники в меньшей степени помогают решить задачу¹². Законодательство является важнейшим источником, освещающим разные аспекты социальной политики, социальной структуры и динамики развития сословий и групп. Без законодательных источников была бы невозможна общая ориентация в сложных проблемах византийской истории¹³.

При изучении и сопоставлении данных Кодексов Феодосия и Юстиниана¹⁴, естественно, немаловажное значение приобретает вопрос об их сходстве и различиях, о целях, установках и методах составления обоих сводов¹⁵. В отношении Кодекса Феодосия все исследователи пришли к единому мнению, признав его ценность как подборки законов (хотя и не без лакун, в том числе и территориально — по провинциям), подборки

¹¹ Gregory T. E. *VOX POPULI: Violence and Popular Involvement in the Religious Controversies of the Fifth Century* A. D. Ohio, 1979.

¹² О юридических источниках см.: *Tinnefeld F.* Op. cit. S. 5—8; *Сюзюмов М. Я.* Еще раз о юридических источниках для истории колоната // ВДИ. 1951. № 4. С. 83. Ср.: *Ранович А. Б.* Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. 1951. № 1.

¹³ Методика анализа законодательных памятников учитывает, что законы часто говорят не о том, как дело обстоит в действительности, а о том, как должно быть, в них наличествует определенная избирательность социальных явлений. К сожалению, мы не можем проследить степень претворения законов в жизнь, точно определить во многих случаях географию закона. Сложность представляет и неадекватность юридического языка прошлого современным критериям. См.: *Tinnefeld F.* *Die früh-byzantinische Gesellschaft*. . . S. 13.

¹⁴ *Corpus juris civilis. Fol. 2: Codex Justinianus.* (Далее: *Cod. Just.*) / Ed. P. Krüger. B. 1954; *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Ed. Th. Mommsen, R. M. Meyer. Berolini, 1954; *Wanger L.* *Die Quellen des römischen Rechts.* Wien, 1955.

¹⁵ См. материалы: *Kolloquium «Römische Geschichte, römisches Recht und aktuelles Recht»* // *Klio*. 1979. Bd. 61, H. 1; *Ferenzy G.* *Römische Rechtsgeschichte — antike Rechtsgeschichte* // *Ibid.* S. 25—32; *Härtel G.* *Römisches Recht und römische Gesellschaft* // *Ibid.* S. 7—25; *Wieacker F.* *Recht und Gesellschaft in der Spätantike.* Stuttgart, 1964; *Voss W.* *Recht und Rhetorik in den Kaiserergesetzen der Spätantike.* Frankfurt a. Main, 1982; См. мар. сб.: *L'imperatore Giustiniano: storia e mito: Giornale di Studio a Ravenna (14—16 ottobre 1976)* / A cura di G. G. Archi. Milano, 1978.

без редакторской правки, что повышает фактическую значимость законов и дает возможность более четко выявить эволюцию социальных отношений. По сути дела, в Кодексе Феодосия мы имеем тематически объединенную россыпь законов разного времени, которые удалось собрать, избегнув какой-либо переработки. Отсюда повторяемость многих постановлений, которая, по мнению Р. Макмиллана¹⁶, важна как определенный показатель реальной неэффективности некоторых мероприятий государства, что подрывает доверие к степени их реализации, особенно когда речь идет о сложных социальных процессах.

Основные особенности юстиниановского законодательства исследователи видят в том, что в нем были осуществлены последовательный отбор законов, их систематизация, переработка, устранение противоречий, приспособление старых законов к новой обстановке¹⁷. В литературе последних лет политика Юстиниана в отличие от политики предшествующих императоров рассматривается как особенно последовательная, программная, что, по-видимому, было связано прежде всего со всеобъемлющим характером нарастающего кризиса ранневизантийского общества.

Этот подход справедлив и в отношении законодательства как одной из сфер проявления всей политики Юстиниана. Программность в его законодательстве проявляется в четком следовании единым установкам. Законодательство Юстиниана неизмеримо более отражало эти установки, чем конкретные реальные ситуации. Но его заданность, запрограммированность важна сама по себе как показатель системы борьбы с нарастающим кризисом, направленности социальной политики¹⁸.

¹⁶ MacMullen R. Social Mobility and the Theodosian Code // JRS. 1964. Vol. 54. P. 49—53; Seyfarth W. Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. В., 1963.

¹⁷ Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана // ВВ. 1965. Т. 26; 1967. Т. 27.

¹⁸ Вершиной позднеантичной политики, наиболее ярким ее выражением считают политику Юстиниана. Большинство исследователей склонны рассматривать его как, по существу, последнего римского императора, а его политику как последнюю попытку путем известных реформ и уступок сохранить принципиальные основы античного общества. Как писал один из известных исследователей эпохи Юстиниана — Баркер, то, что «стремился восстановить и оживить во всех аспектах своей государственной и общественной деятельности Юстиниан, был миф античности». См.: Barker J. Justinian and the Later Roman Empire. Madison, 1966. Именно в связи с тезисом о программности юстиниановского законодательства с особой остротой встает вопрос об исходных установках его социальной политики. В советской историографии всестороннюю оценку времени правления Юстиниана и его законодательству дала З. В. Удальцова, посвятившая этому периоду целый ряд исследований. Достоинством ее работ является то, что в них впервые предпринята попытка последовательно подойти к рассмотрению и оценке законодательной деятельности Юстиниана исходя из учета реальной расстановки социальных сил, их нужд, требований, удельного веса в социальной и общественно-политической жизни империи. Наиболее отчетливо все это обобщено в написанных исследовательницей главах о законодательной деятельности, экономической и социальной политике Юстиниана. См.: История Византии. М., 1967. Т. 1. Она впервые смогла системно охарактеризовать отношение Юстиниана к сословию курiales, мелким земельным и городским собственникам, к колонам. Отношение Юстиниана к земельной знати, сенаторскому сословию отныне стало вырисовываться как более сложное. Дальнейшее изучение этих проблем проходило по двум линиям. С одной стороны, более критично проверялись свидетельства и оценки нарративных источников, прежде всего произведений Прокопия (связанная с этими сюжетами прокопиана за последние годы насчитывает не одну сотню работ). С другой стороны, шло более углубленное изучение и оценка социальной политики Юстиниана на основе анализа его законодательства, так сказать, изнутри. На определенном этапе возникла естественная необходимость свести, вернее, соотнести полученные результаты, что и было осуществлено на специальной конференции. См.: L'imperatore Giustiniano. После работы А. Хольвега о положении епископов в VI в. иной предстала и юстиниановская политика в отношении церкви и монашества. Стала отступать на второй план упро-

До недавнего времени при изучении законодательства Юстиниана исследователи акцентировали внимание на выявлении преимущественно новых тенденций, разрыва со старыми нормами и традициями. Вполне закономерно, что такой подход обрел несколько преувеличенные размеры. В итоге в политике Юстиниана в области права и социальных отношений стали находить больше новаторского, чем это имело место на самом деле. Перегиб, приведший в нашей историографии к преувеличению феодализированных тенденций в законодательстве Юстиниана¹⁹, естественно, вызвал ответную реакцию.

Более системное изучение всей совокупности законов, посвященных тем или иным правовым нормам и институтам, приводит исследователей к выводу о не столь уж резком разрыве юстиниановского законодательства со старыми античными нормами права. В основе своей оно не отрывалось от них, что особенно остро ставит вопрос о причинах массового включения в Кодекс Юстиниана законов, изданных до IV в. Здесь многое нуждается в дополнительном изучении, но ряд исследователей видят в этом попытки законодателей оживить определенные консервативные социальные традиции²⁰. Монография В. Фосса дает возможность более четко разобраться с постановкой вопроса о традициях и новаторстве в законодательстве²¹.

Законы Кодекса Феодосия и Кодекса Юстиниана написаны по-латыни в соответствии с достаточно едиными нормами права и принципами составления законодательных актов. Все это обеспечивает высокую степень единства основной юридической терминологии, сопоставимости, а следовательно, и более обоснованного изучения эволюции социальных сословий, отношений и институтов²². Итак, ранневизантийское законодательство — бесценный материал для дальнейшего и более углубленного изучения эволюции социальных отношений, динамики социальной структуры общества. Именно поэтому дата, число законов, относящихся к тем или иным социальным сословиям и группам, имеют также известную доказательную значимость.

Но из массы законов до сих пор еще недостаточно четко отделены те из них, которые были продиктованы сугубо временными обстоятельствами²³. При рассмотрении и оценке данных законодательства далеко не всегда в должной мере выделяются принципиальные программные законы, отражавшие общие направления политики государства, издававшиеся по его инициативе, и второстепенные, ситуационные. Мы не вправе забывать о том, что значительная часть законов Кодекса Юстиниана яв-

чившаяся ранее тенденция видеть в ней преимущественное стремление подчинить церковь государству и превратить церковную организацию в своеобразный второй эшелон государственной администрации. См.: *Hohlweg A. Bischof und Stadtheur im frühen Byzanz // JÜBG. XX. S. 51—62; Чекалова А. А. Константинополь в IV в. С. 135; Лебедева Г. Е. Социальная структура. . . С. 127.*

¹⁹ *Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. М., 1976. С. 204.*

²⁰ Согласно выводам В. Баклэнда и О. Робледы, рабство пронизывало всю систему социальных отношений позднеантичного общества. См.: *Buckland W. W. The Roman Law of Slavery: The Condition of the Slave in Private Law from Augustus to Justinian. Cambridge, 1908 (reprint: L.; N. Y., 1970); Robleda O. Il diritto degli schiavi nell'antica Rome, 1976. Юридические взгляды того времени еще не были феодальными. См.: Сюзюмов М. Я. Еще раз о юридических источниках. . . С. 87; см. также: *Brassloff St. Socialpolitische Motive in der römischen Bechtsenwicklung. Wien, 1933.**

²¹ *Voss B. Recht und Rhetorik. . .*

²² *Kolloquim «Römische Geschichte»; Ferenz G. Römische Rechtsgeschichte. . . S. 25—32; Härtel G. Römisches Recht. . . S. 7—25.*

²³ *Лебедева Г. Е. Кодекс Феодосия и Юстиниана об источниках рабства // ВВ. 1973. Т. 35. С. 31—34; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. К вопросу о характере балканского города IV—V вв. // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 50; ср.: *Велков В. Рабството в Тракия и Мизия през античността. С., 1967. С. 123—127.**

ляется, по существу, ответами на апелляции частных лиц по конкретным, касающимся только их поводам и ситуациям. Они, безусловно, не должны выпадать из поля зрения исследователя. Необходимо отличать и законы, касающиеся вполне конкретных, но достаточно распространенных ситуаций, от законов, поводом для создания которых послужили ситуации уникальные. Высокий процент этих последних, взятых в совокупности по той или иной проблеме, как, например, проблема освобождения рабов или источников рабства, может дать искаженную картину реальной социальной политики. Уже несколько таких законов могут быть представлены как линия, а сумма многих аналогичных законов — в конечном счете как некая последовательная общая политика государства, как тенденция.

А. Р. Корсунским уже были уяснены некоторые значимые для исследователя реалии умолчания законодательства. Мы сошлемся лишь на один, но основополагающий по значимости пример. На основании данных законодательства едва ли не до последнего времени делались выводы о чуть ли не принципиальном отличии хозяйств крупных землевладельцев от средних — курialesных и муниципальных, поскольку в законах, относящихся к первым, почти не упоминались принадлежавшие им рабы, а в относящихся ко вторым они упоминались очень часто. А. Р. Корсунский убедительнейшим образом объяснил причины видимого контраста: собственность мелких и средних рабовладельцев на их рабов была значительно менее реально защищена — отсюда масса законов²⁴. Но трудно представить похищение или присвоение рабов крупных могущественных собственников как массовое явление. Ясно, что применительно к ним не было необходимости в подобного рода законах. Законодательство в данном случае просто неадекватно отражало реальную социальную ситуацию.

Думается, что подобного рода деформации в общей картине, рисуемой законодательством, должны более тщательно выясняться и учитываться исследователями. Мы действительно считаем показательным, конечно в определенных рамках, как общую численность законов, посвященных тем или иным социальным сословиям и группам, так и их динамику — распределение по периодам, что представляется нам свидетельством определенной остроты проблем, связанных с этими сословиями, или ее спада.

Одной из наиболее исчерпывающих, в том числе и по привлечению законодательных данных, служит, например, работа А. Джонса²⁵. Она содержит достаточно полную, но в целом бессистемную характеристику положения и развития различных социальных сословий и групп, в которой оказываются перемешанными данные самого различного порядка. Такой эклектизм подхода — довольно распространенное явление.

Основным принципом подхода к законодательству, как нам представляется, должен быть принцип первоочередного учета данных законодательства, наиболее существенных с точки зрения отражения процесса внутреннего развития самих социальных сословий и групп как социальной общности, изменения их экономического, социального и политического положения. Проблема имущественной и социальной поляризации как среди населения в целом, так и внутри социальных сословий и групп представляется весьма существенной. Ее рассмотрение дает возможность более четко определять реальное значение сословий и групп, этапы их эволюции. Помимо внутренней эволюции самих сословий, беспорно

²⁴ Корсунский А. Р. Проблемы измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 6—33.

²⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284—602: A Social Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 1—3.

существенным для их характеристики, является вопрос о том, за счет каких слоев они пополнялись и как они переходили из одного сословия или группы в другое. До недавнего времени исследователи преимущественно суммировали имевшие место факты такого перехода. В настоящее время значительно важнее проследить тенденции в их временном развитии, как это уже во многом сделано, например в отношении колоната. Существенным шагом в этом направлении применительно уже к V в. явились исследования Ж. Дагрона о так называемом городском монашестве. Увеличение числа городских монастырей предстает в работах Ж. Дагрона как своего рода особенность именно этого столетия, получившая массовое распространение в VI в.²⁶ Вообще сама проблема необычайного по сравнению с Западной Римской империей роста в Византии V—VI вв. монашества и духовенства — клира (его численность в VI в. достигла $\frac{1}{10}$, а иногда и $\frac{1}{4}$ населения городов) должна рассматриваться в общей связи с особенностями динамики социальной структуры ранневизантийского общества.

Как справедливо отметил А. Пападакис²⁷, до сих пор еще не в полной мере оценен тот факт, что едва ли не до самого конца ранневизантийского периода была характерна тяга не столько к вступлению в монастыри, сколько к ведению «монашеского образа жизни», в сильной степени индивидуальному, который, как убедительно показывает житийная литература, обеспечивался собственным и очень часто достаточно высокопрофессиональным трудом.

Заслуживают более внимательного рассмотрения этапы и социальные основы развертывания массового перехода части плебеев, как и куриалов, в клир. В целом изменения в положении и соотношении социальных сословий и групп в городе нуждаются в тщательном изучении и оценке именно потому, что в ранневизантийский период не наблюдается сокращения общей численности городского населения и резких колебаний в ней. Скорее, наоборот, проявлялась обратная тенденция: убыль городского населения в результате войн и эпидемий быстро восполнялась за счет притока сельского.

Это лишь один из примеров, показывающих важность выявления и оценки того, когда, по каким причинам и по преимуществу в какие социальные сословия и группы массово переходили представители тех или иных категорий населения, какова была динамика этого процесса.

Формальное, изолированное и фрагментарное рассмотрение эволюции различных социальных сословий и групп, достаточно характерное и для современной зарубежной историографии, справедливо подвергается критике как мешающее дальнейшему углублению исследований²⁸. Для оценки динамики сословий, имевшей место в реальности, необходимо рассматривать их развитие взаимосвязанно, в целостности и взаимовлиянии²⁹.

Подход к изучению сословий и групп как бы изнутри, с учетом всей совокупности их связей и интересов представляется тем более важным, что достаточно традиционным (возможно, это обуславливается самим характером законодательного материала) было рассмотрение развития социальных сословий и групп только как результата осуществления государственной политики. Социальное сословие выступало при этом лишь

²⁶ *Dagron G. Les moines de la ville: le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcedoine (451) // TM. 1970. T. 4. P. 229—276.*

²⁷ *Papadakis A. The Byzantine Monasticism Reconsidered // BS. 1986. Vol. XLVII; Alivisatos H. S. Die kirchliche Gesetzgebung des Kaiser Justinian I. B., 1913. S. 110: «Если Юстиниан так много уделял заботы клиру, то можно полагать, что его труд был нужен больше государству, чем церкви».*

²⁸ См., например: *Чекалова А. А. Константинополь в VI в. С. 31—32.*

²⁹ Там же. С. 32.

как объект воздействия политики государства. Такой подход был характерен особенно для зарубежных исследователей, которые оказали влияние и на советскую историографию.

Вера во всемогущество византийского централизованного государства нередко как бы снимала вопрос о том, что это всемогущество имело реальную социальную основу в прочной и устойчивой системе социальных отношений, а не опиралось лишь на силу бюрократических установлений. Эта проблема особенно важна для ранней Византии — позднеантичного общества, устойчиво просуществовавшего три столетия — до начала VII в.

Из поля зрения многих исследователей, изучавших сумму конкретных мер и действий законодателей, как бы ускользали общие социальные принципы и установки, т. е. то, что мы можем назвать в полном смысле этого слова системой социальной политики государства, которыми в целом руководствовались общество и которые находили отражение в политике государства. Эта система во многом отличалась от предшествующей — II—IV вв., но была достаточно четко ориентированной. Именно общее влияние устойчивых социальных принципов государственной политики в достаточной степени не учтено рядом исследователей при оценке всей суммы законов. Между тем выяснение влияния господствующих тенденций социальной государственной политики и является наиболее существенным, ибо в нем отражается характер социальной структуры общества, его установки и принципы посредством их реализации в законодательстве. Разумеется, колебания в социальной политике были, и зависели они от обстоятельств и интересов группы, находившихся у власти в тот или иной период. Но была и общая, «средняя», принципиальная линия по отношению к различным социальным сословиям и группам, последовательно проходившая через все ранневизантийское законодательство и отражавшая его принципы и социальную сущность.

Э. Арвейлер отметила, например, одну, внешне формальную, но общую черту ранневизантийского законодательства — безусловный, четко фиксируемый количеством законов примат интересов горожан и городских проблем³⁰.

Для того чтобы получить представление о динамике социальной структуры, а также для понимания реальной значимости рассматриваемых проблем, мы должны учитывать исходный социальный вес различных социальных сословий и групп в начале рассматриваемого периода³¹. Социальная структура ранневизантийского периода должна быть сопоставлена и с более поздней³². Такое сопоставление, конечно в общей форме, можно сделать на основании имеющихся исследований.

Нам кажется, что исследователи, несколько акселерирующие процесс развития феодализма в Византии путем переоценки момента «экономической» целесообразности, забывают о факторе, на значение которого для последней стадии античности обратил особое внимание А. Р. Корсунский³³. В качестве такого фактора выступает социальный консерватизм системы и мышления как важнейший тормоз перестройки общества на началах новых отношений — черта, характерная для большинства обществ и являющаяся неизбежным наследием всей предшествующей эпохи. В свое время на этот фактор обратил внимание М. Я. Сюзюмов, который,

³⁰ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.

³¹ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 114.

³² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 212.

³³ Корсунский А. Р. Проблемы революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе // ВИ. 1964. № 5. С. 72—86.

признавая существенные изменения, происходившие в общественном строе ранней Византии, тем не менее оценивал ранневизантийское общество как рабовладельческое, поскольку рабовладельческим по своему характеру продолжал, по его мнению, оставаться прежде всего господствующий класс ³⁴. С нашей стороны добавим, что социальной структуре ранневизантийского общества была присуща не перманентная динамика, а известная устойчивость, стабильность. Социальную структуру этого общества мы типологически можем назвать позднеантичной, но со своей спецификой и своими особенностями социальных отношений ³⁵, отличными от общества II—IV вв., но по-своему устойчивыми в своих основных принципах.

Именно для разлагавшегося античного общества, имевшего свои традиции, должна быть и более четко учтена взаимосвязь между экономическим положением, социальными, политическими отношениями и правами сословий. Так, социальные привилегии могли составлять самостоятельную и важную ценность, независимо от реального экономического положения того или иного сословия, а политические права не соответствовать первым двум (городской плебс). Проблема социально-политических традиций для рассматриваемого периода чрезвычайно важна и достаточно мало исследована. Поэтому изучение взаимовлияния положения сословий, их реальной взаимосвязи в общественно-политической жизни империи может существенно расширить наши представления о социальной структуре ранневизантийского общества, сделать более понятным внутренний кризис в его структурах, который разразился в середине второй половины VI в.

³⁴ Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1. С. 58—67; *Он же*. Закономерный переход к феодализму и синтез // ДСВ. 1975. Вып. 12. С. 3—29.

³⁵ В советской историографии эта тема применительно к Византии разрабатывалась Г. Л. Курбатовым, по мнению которого, ранневизантийское общество в IV—VI вв. следует рассматривать именно как позднеантичное. См.: *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 3—21. В принципе такой же была и точка зрения М. В. Левченко. Позднеантичное общество в ранней Византии сохранилось до VII в. и оказалось более устойчивым, чем позднеантичное общество Западной Римской империи. Это произошло не потому, что в ранневизантийском обществе интенсивнее разворачивались процессы феодализации, а потому, что специфика его социальной структуры и социальных отношений в нем смягчали кризис, делали это общество более устойчивым. См.: *Левченко М. В.* Материалы для внутренней истории Восточноримской империи V—VII вв. // ВС. М.; Л., 1945.